

**«ОМОНИМЫ», «СИНОНИМЫ»
И «ПАРОНИМЫ» В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ЛОГИКЕ
И ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

Д. А. ЧЕРНОГЛАЗОВ
Санкт-Петербургский государственный университет
d.chernoglazov@spbu.ru

DMITRII CHERNOGLAZOV
St. Petersburg State University (Russia)

HOMONYMS, SYNONYMS AND PARONYMS IN THE LOGIC AND GRAMMAR OF LATE ANTIQUITY

ABSTRACT. The subject of this article is the interpretation of the concepts “homonym”, “synonym” and “paronym” in the logic and grammatical theory of the Late Ancient / early Byzantine period (the 3rd – 6th c.). Within the framework of the logical tradition, the theory of homonymy, synonymy and paronymy is developed, first of all, in the commentaries to Aristotle’s “Categories” written by Porphyry, Ammonius, Simplicius, etc., within the framework of grammatical theory – in the “Art of Grammar” by Dionysius of Thrace and its Byzantine scholia to it. Analysis of these texts shows that both disciplines paid great attention to these concepts: they were embedded in a broader terminological context; their definitions were refined and detailed; various methods of classification of homonyms and paronyms were developed. Many issues have been the subject of controversy and disagreement, for example, the problem of the relationship between metaphor, analogy and homonymy, or the methods of classification of homonyms. Significant disagreements persisted between the two disciplines: from the point of view of grammar and logic, all three concepts were interpreted differently, but the interpretation of synonymy differed most clearly. Contemporaries were aware of these contradictions between logic and grammar, noted and analyzed them.

KEYWORDS: homonyms, synonyms, paronyms, ancient logic, ancient grammar theory, Porphyry, Ammonius, John Philoponus, Simplicius, Olympiodorus, Dionysius Thrax.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44263. The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, the project № 21-011-44263.

Как известно, «Категории» Аристотеля открываются определениями понятий «омонимы», «синонимы» и «паронимы» (Arist. Cat. 1a. 1–15). Приведем эти определения в оригинале и в русском переводе:

Ὅμωνυμα λέγεται ὡν ὄνομα μόνον κοινόν, ὁ δὲ κατὰ τοῦνομα λόγος τῆς οὐσίας ἕτερος, οἷον ζῶον ὃ τε ἄνθρωπος καὶ τὸ γεγραμμένον· τούτων γὰρ ὄνομα μόνον κοινόν, ὁ δὲ κατὰ τοῦνομα λόγος τῆς οὐσίας ἕτερος· ἐὰν γὰρ ἀποδιδῶ τις τί ἐστὶν αὐτῶν ἑκατέρῳ τὸ ζῶω εἶναι, ἴδιον ἑκατέρου λόγον ἀποδώσει.

συνώνυμα δὲ λέγεται ὡν τὸ τε ὄνομα κοινόν καὶ ὁ κατὰ τοῦνομα λόγος τῆς οὐσίας ὁ αὐτός, οἷον ζῶον ὃ τε ἄνθρωπος καὶ ὁ βοῦς· τούτων γὰρ ἑκάτερον κοινῶ ὀνόματι προσαγορεύεται ζῶον, καὶ ὁ λόγος δὲ τῆς οὐσίας ὁ αὐτός· ἐὰν γὰρ ἀποδιδῶ τις τὸν ἑκατέρου λόγον τί ἐστὶν αὐτῶν ἑκατέρῳ τὸ ζῶω εἶναι, τὸν αὐτὸν λόγον ἀποδώσει.

παράνομα δὲ λέγεται ὅσα ἀπὸ τινος διαφέροντα τῇ πτώσει τὴν κατὰ τοῦνομα προσηγορίαν ἔχει, οἷον ἀπὸ τῆς γραμματικῆς ὁ γραμματικὸς καὶ ἀπὸ τῆς ἀνδρείας ὁ ἀνδρεῖος.

«Омонимами называются те [вещи], у которых только имя общее, а соответствующее имени определение сущности разное, как, например, «живое существо» – это и [сам] человек, и написанное; ибо у них только имя общее, а соответствующее имени определение сущности – разное: если кто-нибудь будет определять, что есть для каждого из них быть живым существом, он для каждого из двух даст особое определение».

«Синонимами называются те [вещи], у которых и имя общее, и соответствующее имени определение сущности одно и то же, как, например, «живое существо» – это и человек, и бык; ведь оба называются общим именем «живое существо», и определение сущности – одно и то же: если кто-нибудь будет для каждого определять, что для каждого из них – быть живым существом, он даст одно и то же определение».

«Паронимами называются те [вещи], которые, отличаясь от чего-то по падежу, имеют прозвание согласно [его] имени, как, например, грамматик – от грамматики, а мужественный – от мужества».

Еще в античности понятия «омоним», «синоним» и «пароним» разрабатывались и в грамматике, и в логике, и в философии. Впоследствии, уже в византийскую эпоху, эти термины – в первую очередь ὁμώνυμον – становятся частью теологического дискурса и нередко используются в богословской полемике, в частности, в контексте христологической и иконоборческой полемики.¹ Об омонимии и смежных понятиях, об их формировании в античной философии классического периода написана обширная литерату-

¹ Об использовании термина «омоним» в иконоборческих спорах см. Erismann 2019.

ра,² в то время как рецепция этих понятий на рубеже античности и византийской эры – не говоря уже о собственно византийской традиции – изучена пока мало.³ В настоящей статье мы сконцентрируемся на позднеантичной / ранневизантийской эпохе (конец III – VI вв.) и постараемся выяснить, как в рамках этого периода понятия «омонимия», «синонимия» и «паронимия» трактовались в двух дисциплинах, изучавшихся в школе – логике и грамматике: можно ли говорить об эволюции этих понятий со времен классической античности, становились ли они предметом дискуссий, различалась ли их трактовка в грамматической теории и в логике? В учебниках по логике и грамматике и комментариях к ним содержатся определения этих понятий, раскрывается их значение – и изучить эту теоретическую основу очень важно: это позволит нам лучше понимать, что имеют в виду ранневизантийские философы и богословы, когда этими терминами оперируют.

I

В первую очередь целесообразно обратиться к логической традиции, в рамках которой интересующие нас понятия разрабатывались особенно активно. Предметом нашего исследования послужат многочисленные комментарии к «Категориям» Аристотеля, составленные учеными-неоплатониками III – VI вв. – это комментарии в вопросах, составленные Порфирием и Дексиппом, и последующие комментарии, написанные Аммонием, его учениками Симпликием, Иоанном Филопоном и Олимпиодором, а затем, позже, Элием.⁴

Все комментаторы, за исключением Дексиппа,⁵ уделяют пристальное внимание всем трем понятиям. Они не только детально разъясняют текст Аристотеля, но и вписывают их в более широкий терминологический контекст. Вводятся еще два термина – «полионимы» и «гетеронимы» – и выстраивается схема из основных четырех понятий, в которую включаются

² См., напр.: Anton 1968, Anton 1969, Shields 1999, Tolkiehn 2019.

³ См. статьи, посвященные отдельным авторам или аспектам этой проблемы: Mombello 2011, Garin 2016.

⁴ О позднеантичных и ранневизантийских комментариях к логическим трудам Аристотеля см. Westerink 1990, D'ancona 2001, Sellars 2004.

⁵ Из трех понятий Дексипп рассматривает только омонимы, да и здесь затрагивает намного менее широкий круг вопросов, чем остальные комментаторы (CAG 4.2: 17.21–22.11).

синонимы, омонимы, полионимы и гетеронимы. Вот как эти понятия суммирует Иоанн Филопон⁶:

«Из вещей некоторые имеют общее имя, но разное определение и называются омонимами, некоторые имеют общее определение, но разные имена и называются полионимами, некоторые имеют общее определение и общее имя и называются синонимами, некоторые имеют разные имена и разные определения и называются гетеронимами. Но должно знать, что гетероним (*ἑτερόνυμον*) – это одно, а разное (*ἕτερον*) – это другое. Гетеронимы – это вещи, которые усматриваются относительно одного и того же подлежащего, но причастны разным именам, как, напр., относительно лестницы усматривается подъем и спуск: но подъем и спуск определяются по-разному и имена у них разные. Такие вещи называют собственно гетеронимами. Разные же (*ἕτερα*) различны во всех отношениях, и по именам, и по подлежащему, напр., конь и человек».

Таким образом, перед нами четкая классификация отношений между вещами в зависимости от соотношения их имен и определений. «Синонимы» противопоставляются «гетеронимам», а «омонимы» – «полионимам». У синонимов и имя, и определение одинаковое, а у гетеронимов и то, и другое различно; у омонимов имя одно, а определения разные, у полионимов же определение одно, а имена разные.

В симметричной схеме из четырех элементов не находится место паронимам: их соотношение с четырьмя основными понятиями становится предметом дискуссий среди александрийских ученых.

1) Паронимы относятся к гетеронимам, поскольку паронимы различаются и по имени, и по определению. Нельзя говорить о тождестве А и В, даже если они различаются совсем немного. Эту точку зрения высказывает и считает приемлемой только Олимпиодор (СAG 12.1: 39.30–38).

2) Паронимы помещаются посередине между синонимами и омонимами, поскольку синонимы имеют полную общность друг другу в отношении вещей, омонимы в этом же отношении совершенно различны, а паронимы обладают в отношении вещей и общностью, и различием. Эту позицию, ссылаясь на «неких» людей, излагают Аммоний, Филопон и Олимпиодор, но двое последних вовсе отвергают ее – по словам Олимпиодора, при таком подходе природа паронимов рассматривается только со стороны вещей, а не имен (СAG 12.1: 40.2–7 cf. 13.1: 24.19–23) – а Аммоний соглашается лишь отчасти и предлагает компромиссный вариант: паронимы располагаются не

⁶ СAG 13.1: 14.11–24, cf. СAG 4.1: 68.28–69.13; 4.4: 15.22–16.6; 12.1: 26.18–27.20; 8: 22.22–33; 18.1: 141.24–34.

посередине между синонимами и омонимами, а ближе к синонимам – с ними паронимы сближает общность относительно имен и вещей, а отличает от них лишь то, что эта общность неполная (СAG 4.4: 23.25–24.13).

3) Паронимы помещаются между синонимами и гетеронимами, поскольку синонимы обладают полной общностью относительно и имен, и вещей, гетеронимы в обоих отношениях различны, а паронимы и относительно вещей, и относительно имен обладают и общностью, и различием. Эту позицию поддерживают Иоанн Филопон, Олимпиодор и Элий (СAG 13.1: 24.23–26; 12.1: 40.9–13; 18.1: 142.27–29).

Возвращаясь к терминам «гетероним» и «полионим», следует рассмотреть их происхождение – ни в «Категориях», ни в остальных логических трактатах Аристотеля они ни разу не употребляются. По всей видимости, оба термина принадлежат Спевсиппу, ученику Платона, который также и связал их с омонимами, синонимами и паронимами. К сожалению, учение Спевсиппа, касающееся этих понятий, известно нам лишь из третьих рук: слова Спевсиппа цитирует (или пересказывает) перипатетик Боэт, а уже Боэт цитирует Симпликий. Итак, если исходить из слов Симпликия, Спевсипп выстраивал следующую классификацию⁷:

«Из имен одни – это тавтономимы, а другие – гетеронимы. Из тавтономимов одни – омонимы, а другие – синонимы..., а из гетеронимов одни – это собственно гетеронимы, другие – полионимы, а третьи – паронимы. Если об остальных уже было сказано, то полионимы – это многие и различные имена одной вещи, когда определение их одно и то же, как, напр., ἄστρον, ξίφος, μάχαιρα, φάσγανον, ‘меч’, а гетеронимы различны и именами, и вещами, и определениями, как, напр., ‘грамматик’, ‘человек’, ‘дерево’».

Итак, перед нами все те же понятия, которые потом появятся в комментариях к «Категориям» Аристотеля, написанных Порфирием и последующими авторами. Но, в то же время, схема Спевсиппа существенно отличается от схемы Порфирия и Аммония. Основное различие состоит в том, что Спевсипп, предположительно, классифицирует имена, а Порфирий, как и Аристотель, классифицирует вещи. Для Спевсиппа омоним – это имя, которое является общим для нескольких вещей, а для Аристотеля и Порфирия омонимы – это вещи, имеющие одно и то же имя, но разные определения; для Спевсиппа полионимы – это разные имена, относящиеся к одной вещи, а для Порфирия полионим – это вещь, имеющая несколько разных имен. Есть и другое отличие: у Спевсиппа схема включает и паронимы, а у комментаторов Аристотеля

⁷ СAG. 8: 38.20–39.2, Spreus. frgm. 68a.

паронимы утрачивают «равноправие» остальным четырем понятиям – синонимам, омонимам, гетеронимам и полионимам – и схема, состоящая уже из четырех понятий, становится более симметричной.⁸

Итак, термины «гетероним» и «полионим» восходят, видимо, к Спевсиппу.⁹ Следующий сохранившийся текст, в котором – как у Спевсиппа – появляются все пять терминов (омонимы, синонимы, паронимы, гетеронимы, полионимы) – это восьмая книга «Стромат» Климента Александрийского, где кратко излагается аристотелевская логика и, в частности, приводятся и определяются перечисленные термины (Clem. Al. Strom. 8. 8. 24. 2–7). Не вдаваясь в проблему подлинности восьмой книги «Стромат»,¹⁰ отметим, что здесь соотношение терминов уже близко к тому, которое мы веком позже встретим в комментариях Порфирия, а потом и александрийских ученых: речь идет, как и в «Категориях» Аристотеля, о классификации вещей, а не имен. Климент пишет: «Полионимы – это те, которые имеют одно и то же определение, но разные имена»; «омонимы – это те, которые пользуются одни и тем же именем, а определение имеют разное», и т.д. Здесь же, в «Строматах», уже появляется дифференциация между разными и гетеронимами (букв.: «разноименными»), но паронимы все еще упоминаются наравне с остальными четырьмя терминами. Далее термины появляются уже у Порфирия, а вслед за тем у Аммония и его учеников. Именно здесь, в комментариях к «Категориям» александрийских неоплатоников, схема из четырех понятий приобретает свою классическую симметричную форму.

Итак, понятия «полионим» и «гетероним», наравне с омонимами и синонимами, формулируются еще в классической античности, но изначально, вероятно, обозначают имена, а не вещи. Впоследствии эти понятия преобразуются и согласуются с аристотелевской логикой. С точки зрения позднеантичной диалектики, гетеронимы и полионимы равноправны и противопоставлены синонимам и омонимам. Особо комментаторами ставится вопрос о том, почему о них не упомянул Аристотель, и на этот вопрос находится ответ: если есть два противоположных понятия, то достаточно опре-

⁸ О различных трактовках приведенного выше фрагмента и реконструкциях учения Спевсиппа об омонимах, синонимах, полионимах, гетеронимах и паронимах см. Barnes 1971.

⁹ Следует отметить, что слово *éterónymos* 'разноименный' в античных текстах вообще употребляется только как термин и встречается достаточно редко (напр., Nicom.Ar. 1.12.1.6,8; Alex.Aphr.in Metaph. 378.14–16), тогда как *polunómion* 'многoименный' имеет и не строго терминологическое значение и употребляется далеко за пределами научных трактатов (напр., Pi.I. 5.1; S.Ant. 115; Ar.Th. 320; App.Hisp. 4.6).

¹⁰ О VIII книге Стромат и ее источниках см. Navrda 2011, 2012.

делить только одно из них, так чтобы читатель сделал вывод и о противоположном. Так, якобы, поступил и Аристотель: определив омонимы, он имплицитно указал и на полионимы, а определив синонимы – указал на гетеронимы (CAG 13.1: 14.28–15.1).

Итак, в позднеантичных комментариях к «Категориям» создается симметричная схема из четырех основных терминов, и наибольшее внимание из них уделяется омонимам. Разъясняется каждое слово Аристотеля – напр., в каком значении употребляется слово «только» и слово «общее», почему в определении введено уточнение «согласно имени» и т.д. – но мы остановимся на двух аспектах, играющих ключевую роль во всех комментариях и существенным образом развивающих понятие омонимии.

Первый аспект состоит в том, что к предельно краткому определению Аристотеля прилагается ряд уточнений, одни из которых – по сравнению с буквальной трактовкой текста «Категорий» – расширяют понятие омонимов, а другие его сужают. К расширению понятия омонимии ведут следующие уточнения:

Во-первых, как отмечают комментаторы, омонимия усматривается не только в отношении имен, но и в отношении глаголов и прочих частей речи. Если Аристотель и говорит о вещах, имеющих одно и то же «имя» (ὄνομα), то этот термин употребляется не в узком смысле – как «имя», противопоставляемое «глаголу» – а в широком смысле, как любой звук, означающий что-либо. Потому омонимичными могут быть и действия, обозначаемые глаголами, напр., глагол ἐρῶ означает и «я скажу», и «я люблю».¹¹ Аналогично, синонимия тоже допускается не только в отношении имен – напр., глаголы «делать белым» (λευκαίνειν) и «делать черным» (μελαίνειν) воспринимают и одно и то же имя «изменять» (ἀλλοιοῦν), и одно и то же определение «иметь в себе причину, способную изменять другое, в силу того, что [оно само] другое» (CAG 13.1: 23.23–30).

Во-вторых, омонимичными могут быть не только сущности, но и привходящие признаки (τὰ συμβεβηκότα). Если Аристотель и говорит «определение сущности» (λόγον τῆς οὐσίας), то термин «сущность» следует понимать в широком смысле, как «существование» (ὑπαρξις), ибо и привходящие признаки некоторым образом существуют. В этом случае, напр., омонимичен привходящий признак «острый» в сочетании с «ножом», «блюдом» и «болезнью».¹²

Уточнения, сужающие понятие омонимии, указывают на то, какие вещи не могут быть омонимами. Вводятся дополнительные условия грамматического характера, необходимые для признания омонимии. Аммоний вводит

¹¹ CAG 4.1: 61.29–62.6; 4.4: 18.18–25; 13.1: 18.4–15; 12.1: 30.4–16; 18.1: 137.23–30.

¹² CAG 4.4: 20.23–21.2; 13.1: 20.4–14; 12.1: 32.30–41; 18.1: 139.8–11.

три таких условия: омонимы должны иметь не только одинаковое имя, но и одинаковое ударение, придыхание и падеж. Напр., ἐλάτης ‘возница’ (Nom. Sing.) и ἐλάτης ‘ели’ (Gen. Sing.) нельзя считать омонимами, поскольку имена не совпадают по падежу, и т.д. (САГ 4.4: 17.18–18.6) Последующие авторы этот перечень расширяют. Так, Филопон вводит еще два условия – одинаковый род и одинаковое окончание. Напр., ὁ Ἄργος ‘Аргос’ (собака Одиссея) и τὸ Ἄργος (город) нельзя считать омонимами, поскольку они не совпадают по роду (САГ 13.1: 15. 14–32). Олимпиодор идет еще дальше: сперва он – помимо ударения, придыхания и падежа – вводит одно дополнительное условие: омонимы должны быть одинаковы по написанию, напр. καινόν ‘новое’ и κενόν ‘пустое’ не суть омонимы, хотя они и произносятся одинаково.¹³ Однако, затем, ссылаясь на «философа» (т.е. на Аммония?), Олимпиодор формулирует еще два условия: тождественность по роду (см. выше у Филопона) и тождественность по части речи: напр., омонимами не могут быть ἔχεις ‘имеешь’ как глагольная форма и ἔχεις ‘гадюки’ как форма имени существительного (САГ 12.1: 33. 8–36). Наиболее развернутый перечень условий приводит Элий: к уже приводившимся ранее условиям – тождество по ударению, по придыханию, по падежу, по роду, по написанию, по части речи – прибавляются два новых требования: одно и то же число и один и тот же язык. Так, омонимами не могут быть εἶπον ‘я сказал’ и εἶπον ‘они сказали’, ἄρμα ‘колесница’ по-гречески и ἄρμα / arma ‘оружие’ по-латыни (САГ 18.1: 140.26–141.14). Следует признать, что даже в варианте Элия перечень трудно назвать исчерпывающим и логически обоснованным: если учитывается тождественность по грамматическим категориям, то почему из них приводятся только три – род, число и падеж, но не упоминаются, напр., время и наклонение?

Второй аспект, существенно развивающий теорию омонимии – классификация омонимов, разрабатываемая всеми комментаторами, кроме Дексиппа. Сперва обратимся к тому, какие разновидности омонимов выделяет Порфирий (САГ 4.1: 65.12–66.21, см. *Схема 1*).

Порфирий различает два класса омонимов: первый составляют омонимы «по случаю» (ἀπὸ τύχης), а второй – омонимы «по умыслению» (ἀπὸ διανοίας). Омонимы «по случаю» – это вещи или люди, получившие одно и то же имя случайно, без какого-либо умысла, как, напр., именем «Александр» были названы сын Приама и сын Филиппа Македонского. Омонимы «по умыслению» получают одинаковое имя нарочно, по какой-нибудь причине – мы называем изображение Сократа «Сократом», поскольку мы узнаем в

¹³ К V в. ε и αι уже давно читались одинаково, как [e]. Олимпиодор исходит из современных ему фонетических норм.

нем подобие Сократа – и в зависимости от этой причины умышленные омонимы подразделяются на четыре разновидности:

1) Омонимы «по подобию» (καθ' ὁμοίωσιν) – напр., когда мы называем «человеком» и разумное смертное животное, и изображение на холсте, поскольку изображенное есть подобие живого человека.

2) Омонимы «по аналогии» (κατὰ ἀναλογίαν) – напр., когда мы называем «ногой» опору стола или ложа по аналогии с ногой животного, поскольку эта часть стола или ложа так же поддерживает его, как нога поддерживает животное.

3) Омонимы «от одной [причины]» (ἀφ' ἐνός), или, по версии позднейших авторов, «от творящей причины» (ἀπὸ ποιητικοῦ αἰτίου) – напр., когда мы от врачебного искусства (ἡ ἰατρική) называем «врачебными» книгу (τὸ ἰατρικὸν βιβλίον) и снадобье (τὸ ἰατρικὸν φάρμακον), хотя слово «врачебный» в этих случаях имеет разное определение: книга – «врачебная», поскольку в ней описывается врачебная наука, а снадобье – «врачебное», так как оно нужно врачу для лечения.

4) Омонимы «к одной [цели]» (πρὸς ἓν), или, по версии позднейших авторов, «от целевой причины» (ἀπὸ τελικοῦ αἰτίου) – напр., когда мы называем «здоровыми» прогулку (ὁ ὑγιεινὸς περίπατος) и питание (τὸ ὑγιεινὸν σίτιον), поскольку и то, и другое служит одной цели – здоровью.

При этом – отмечает Порфирий – относительно разновидностей 3) и 4) существуют разные мнения: иные их объединяют, а иные вообще не относят их обе к омонимам, а помещают посередине между омонимами и синонимами: слово «врачебный» в словосочетаниях «врачебная книга» и «врачебное снадобье» имеет не разные определения, а причастно одному и тому же.

Отметим, что эта классификация не была изобретением Порфирия, но сформировалась в более ранней традиции. Сходная система кратко изложена в уже упоминавшейся VIII книге «Стромат» Климента Александрийского (Clem. Al. Strom. 8. 8. 24. 8). Единственное отличие от версии Порфирия состоит в том, что к разновидностям омонимов «по умышлению» прибавляется еще одна – омонимы «по действию» (κατ' ἐνέργειαν): напр., «нога» (πούς), т.е. руль корабля, с помощью которого он плывет, и наша нога, с помощью которой мы ходим.¹⁴ Изначально эта классификация вообще восходит к замечанию самого Аристотеля, которое он делает в «Физике». По словам философа, из омонимов «некоторые далеко отстоят друг от друга, некоторые имеют некое подобие [между собой], а некоторые близки либо по роду, либо по аналогии» (Arist. Ph. 249a. 23–25).

¹⁴ Омонимы «по действию» еще встретятся нам у позднейших комментаторов. См. ниже.

Начиная с Аммония, комментаторы «Категорий» выстраивают более сложную, разветвленную и многоступенчатую классификацию омонимов – различается намного больше разновидностей омонимов «по умышлению», объединяемых в различные группы и подгруппы. Обратимся к комментариям Аммония (САГ 4.4: 21.16–22.10) и Иоанна Филопона (САГ 13.1: 21.14–22.15) – представленные в них варианты классификации весьма сходны и их удобно изложить вместе, по ходу рассмотрения отмечая различия (см. Схема 2). Итак, по Аммонию и Филопону омонимы «по умышлению» делятся на две группы:

1) Вещи, являющиеся омонимами по отношению друг к другу, но паронимами по отношению к тому, от чего они произошли. Напр., *ἰατρικόν* ‘врачебное’ в словосочетании *ἰατρικὸν βιβλίον* ‘врачебная книга’ и *ἰατρικόν* в словосочетании *ἰατρικὸν φάρμακον* ‘врачебное снадобье’ по отношению друг к другу – омонимы, а по отношению к *ἡ ἰατρική* ‘врачебное искусство’ – паронимы.

2) Вещи, являющиеся омонимами и по отношению друг к другу, и по отношению к тому, от чего они произошли. Напр., если кто-нибудь назовет своим именем сына и внука, то сын и внук будут омонимами и по отношению и друг к другу, и по отношению к отцу и деду, чьим именем они названы.

К группе 1) относятся уже выделенные Порфирием разновидности омонимов «от творящей причины» и «от целевой причины», а группа 2) делится еще на две подгруппы:

2.1) Одновременные тому, от чего они произошли – напр., опора стола, названная «ногой».

2.2) Не одновременные тому, от чего они произошли – напр., человек, названный Сократом в память об одноименном философе.

Подгруппа 2.1) включает несколько разновидностей омонимов:

2.1.1) «по причастности» (*κατὰ μέθεξιν*) – напр., *μουσική γυνή* ‘музыкально [одаренная] женщина’ так названа в силу причастности к *μουσική ἐπιστήμη* ‘музыкальная наука’. В комментарии Филопона опущена.

2.1.2) «по аналогии» (*κατὰ ἀναλογίαν*) – эта разновидность уже знакома нам по классификации Порфирия.

2.1.3) «по подобию вещей» (*κατὰ τὴν τῶν πραγμάτων ὁμοιότητα*) – эта разновидность, тоже уже выделенная Порфирием, у Аммония и Филопона подразделяется еще на несколько подвидов:

2.1.3.1) «по подобию действия» (*διὰ τὴν τῆς ἐνεργείας ὁμοιότητα*) – напр., если кого-то называли Горгием (*Γοργίας*) оттого, что он тороплив (*γοργεῦσθαι*).

2.1.3.2) «по подобию формы» (διὰ τὴν τῆς μορφῆς ὁμοιότητα) – напр., изображение Сократа, названное его именем.

2.1.3.3) «по метафоре» (κατὰ μεταφοράν) – напр., «подножие Иды». Этот подвид у Филопона опущен.

Подгруппа «не одновременных» омонимов (2.2) тоже подразделяется на три разновидности, ни одна из которых не упомянута в комментарии Порфирия:

2.2.1) «по памяти» (κατὰ μνήμην) – напр., если кто-нибудь, помня об отце или учителе, назовет сына его именем.

2.2.2) «по надежде» (κατ' ἐλπίδα) – напр., если кто-нибудь назовет сына Платоном, надеясь, что он станет философом.

2.2.3) «по судьбе» (κατὰ τύχην) – напр., если кто-нибудь назовет сына Евтихием (Εὐτυχή), т.е. «счастливым», надеясь, что его судьба (τύχη) сложится хорошо. Остается неясным, чем этот подвид отличается от омонимов «по надежде». Филопон его опускает.

Олимпиодор выстраивает сходную систему, но в чем-то и заметно расходится с Аммонием и Филопоном (CAG 12.1: 34.3–35.14, см. *Схема 3*). Все эти расхождения касаются классификации группы 2) – вещей, омонимичных и друг другу, и тому, от чего они происходят. Так, внутри этой группы выделяются не две, а три подгруппы, согласно «трехчастности времени» – «относительно прошедшего» (πρὸς τὸν παρεληλυθότα), «относительно будущего» (πρὸς τὸν μέλλοντα) и «относительно настоящего» (πρὸς τὸν ἐνεστώτα). Подгруппы «относительно прошедшего» и «относительно будущего» соответствуют «не одновременным» омонимам у Аммония и Филопона – к ним относятся, соответственно, омонимы «по памяти» и «по надежде» – а подгруппа «относительно настоящего» соответствует «одновременным» омонимам и тоже, как у Аммония, делится на три разновидности: «по подобию», «по причастности» и «по метафоре» – вместо омонимов «по аналогии». Если Филопон, как мы помним, вообще не упоминает об омонимах «по метафоре», а Аммоний трактует их как подвид омонимов «по подобию», то Олимпиодор «поднимает» их ступенью выше и ставит на место омонимов «по аналогии». Как мы увидим далее, это вполне закономерно, поскольку Олимпиодор понимает метафору как сокращенную аналогию. Наконец, омонимы «по подобию» тоже имеют подвиды. Их два: первый, как у Аммония и Филопона, тоже называется «по подобию формы», а второй носит название «по знанию жизни» (πρὸς τὴν γνώσιν τῆς ζωῆς). Этот подвид представляет собой, по сути, частный случай омонимов «по подобию действия» – в качестве примера приводится то, что «Теэтета называют Сократом по

знанию жизни и нраву души», т.е. речь идет о том, что Теэтет подобен Сократу не внешним обликом, а умом и характером.

В комментарии Элия мы находим две классификации омонимов, каждая из которых значительно проще разветвленных схем, разработанных Аммонием, Филопоном и Олимпиодором (СAG 18.1: 139.29–140.25). Неясно, идет ли речь о двух альтернативных подходах, или две схемы – по мысли комментатора, оставшейся нам неизвестной – составляют единое целое. Как их можно было бы совместить, опять-таки, остается загадкой.

Согласно первой классификации (см. *Схема 4*), омонимы «по умыслению» делятся на две группы: омонимы «во временном понимании» (*κατὰ χρονικὴν ἔννοιαν*, ср. «не одновременные» омонимы у Аммония) и «не во временном понимании» (*οὐ κατὰ χρονικὴν ἔννοιαν*, ср. «одновременные» омонимы). Омонимы «во временном понимании» (аналогично «не одновременным» омонимам) делятся на три разновидности: «по памяти», «по надежде» и «вместе по памяти и по надежде», а омонимы «не во временном понимании» включают лишь два вида: «по причастности» и «по метафоре», понимаемой – вслед за Олимпиодором – как сокращенная аналогия. Омонимы «по подобию», которые мы ожидали бы найти в составе этой же группы, опускаются здесь, но будут включены во вторую схему, к которой мы и переходим.

Согласно второй классификации (см. *Схема 5*), омонимы делятся на два класса, тоже нам уже знакомые – происходящие «от одной [причины]» (*ἀφ' ἑνός*) и направленные «к одной цели» (*τὰ πρὸς ἓν τέλος ἀφορῶντα*), но омонимы «от одной причины» включают две разновидности: «от творящей [причины]» (*ἀπὸ ποιητικοῦ*) и «от прообразующей [причины]» (*ἀπὸ παραδειγματικοῦ*). Если омонимы «от творящей причины» соответствуют омонимам «от одной причины» у Порфирия и последующих авторов – в качестве примеров даются «врачебная книга» и «врачебный нож» – то омонимы «от прообразующей причины» соответствуют омонимам «по подобию». Об этом свидетельствует пример – когда именем человека называется его изображение, ибо «написанный человек есть образ человека истинного».

Итак, очевидно, что классификация омонимов была предметом дискуссий среди комментаторов: виды омонимов по-разному распределялись по группам и подгруппам, этим группам и видам давались разные наименования и т.д. Наверное, наиболее важным камнем преткновения стала проблема соотношения омонимии, аналогии и метафоры. В этом вопросе комментаторы «Категорий» разошлись не только друг с другом, но и с

Аристотелем.¹⁵ В процессе этой дискуссии были сформулированы следующие позиции:

1) *Порфирий*: метафору не следует смешивать с аналогией, видом омонимии является только аналогия. Полемизируя со «многими» оппонентами, считающими аналогией и метафору одними и тем же видом омонимии, Порфирий разъясняет, чем эти два понятия различаются: если вещь имеет свое собственное имя, но кто-то будет называть его чужим, перенесенным (μεταφέρων) на него – это метафора (μεταφορά), а если вещь называется тем же именем, что и другая вещь, поскольку аналогична ей, а никакого иного, своего собственного имени не имеет – это омонимия по аналогии. Т.о., когда вершину горы называют «главой» – это метафора, поскольку у верхней части горы есть свое собственное название «вершина», а когда опору стола или лодку называют «ногой» – это омонимия по аналогии с ногой человека или животного, так как опора стола не называется никак иначе кроме как «нога» (CAG 4.1: 66.29–67.32).

2) *Аммоний*: аналогия и метафора – различные виды омонимии, причем метафора отнесена к омонимам по подобию. Позиция Аммония остается не до конца ясной: с одной стороны, среди разновидностей омонимов упоминается и аналогия, и метафора, а с другой – для обеих приводится один и тот же пример, «подножие» горы как предгорье. В чем же тогда разница между аналогией и метафорой? Отнесение метафоры к омонимии по подобию не было новшеством – с этой позицией спорил еще Порфирий, отмечая, что нет никакого подобия между подножием горы и ногой человека (CAG 4.4: 22.5–6, 9–10).

3) *Олимпиодор и Элий*: метафора есть краткая аналогия, видом омонимии является только метафора. В подтверждение приводится определение метафоры, приписываемое Фемистию: «если аналогия говорит ‘как пастырь среди стада, так царь среди людей’, то метафора, взяв по одному [слову] из каждого ряда, связала их в краткое [словосочетание] и назвала царя ‘пастырем народов’». Метафора имеет дело не с отношениями, а с именами: вместо того, чтобы, прибегая к аналогии, сказать «как пастырь относится к стаду, так и царь к народу», мы метафорически назовем царя «пастырем народов». Именно поэтому, вероятно, видом омонимии остается лишь метафора – омонимия тоже предполагает не описание отношения между вещами, а называние их одним и тем же именем (CAG 12.1: 35. 3–8; 18.1: 140.13–19).

¹⁵ Об античных теориях метафоры написана обширная литература. См. напр., Jürgensen 1968, Lau 2006. Библиографию см. в статье Novokhatko 2014.

Все мнения, которые мы выше указали, очевидным образом расходятся с позицией самого Аристотеля, выраженной им в «Поэтике». Согласно Аристотелю, «метафора есть перенесение чуждого имени с рода на вид, с вида на род, с вида на вид или по аналогии» (Arist. Po. 1457b.6–9). Т.о., аналогия оказывается разновидностью метафоры. В эллинистическую эпоху эта позиция по-разному модифицировалась и многими оспаривалась. Как мы видим, вопрос о соотношении аналогии и метафоры остается предметом дискуссий и в интересующий нас период, теперь уже в связи с классификацией омонимов.

До сих пор речь шла о комментариях к определению омонимии. Вместе с тем, внимание уделяется и остальным двум понятиям – синонимам и паронимам. Еще одна тема, на которой останавливаются почти все комментаторы и которая не следует напрямую из текста «Категорий» – это критерии, необходимые для признания чего-либо паронимом. Здесь комментаторы тоже формулируют разные позиции. Так, согласно Порфирию (CAG 4.1: 69.30–70.6), для признания X паронимом по отношению к Y должны быть в наличии три вещи:

- 1) Вещь, которой X причастно.
- 2) Имя, которому X причастно.
- 3) Отличие от [этого] имени в силу некоего преобразования.

Так, *ἀνδρεῖος* ‘мужественный’ – это пароним по отношению к *ἀνδρεία* ‘мужество’, поскольку в наличии и причастность мужественного к мужеству, и причастность имени *ἀνδρεῖος* к имени *ἀνδρεία*, и преобразование имени (*ἀνδρεία* > *ἀνδρεῖος*) путем изменения окончания.

Начиная с Аммония, комментаторы формулируют условия несколько иначе, так что получается строгая симметричная схема. Аммоний выделяет четыре фактора, необходимые для признания паронимии (CAG 4.4: 22.21–23.2):

- 1) Общность вещей (*κοινωνία περὶ τὸ πρᾶγμα*)
- 2) Различие вещей (*διαφορὰ περὶ τὸ πρᾶγμα*)
- 3) Общность имен (*κοινωνία περὶ τὸ ὄνομα*)
- 4) Различие имен (*διαφορὰ περὶ τὸ ὄνομα*)

Иоанн Филопон (CAG 13.1: 24.26–30) формулирует последнее условие более конкретно и говорит о «различии по последнему слогу» (*περὶ τὴν τελευταίαν συλλαβήν*). Так, все четыре соблюдаются, когда мы утверждаем, что *γραμματικός* ‘грамматик’ – пароним от *γραμματική* ‘грамматика’.

Рассмотрев, как позднеантичные комментаторы «Категорий» Аристотеля трактовали омонимию, синонимию и паронимию, мы убедились, что эта тема представляла для них большой интерес и тщательно разрабатывалась в логике того периода. Хотя в целом традиция комментирования вводного

пассажа «Категорий» представляется однородной – между комментариями имеются и содержательные, и лексические параллели¹⁶ – многие вопросы становятся предметом дискуссий. Как паронимы соотносятся с четырьмя основными терминами – омонимами, синонимами, гетеронимами и полионимами? Каковы разновидности омонимов «по умыслению»? Можно ли метафору считать разновидностью омонимии? По этим и другим вопросам высказывались разнообразные мнения, из которых нам, видимо, известны далеко не все.

II

Основой позднеантичной, а потом и византийской грамматической теории послужил трактат «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского, или Псевдо-Дионисия: долгое время считалось, что трактат действительно принадлежит александрийскому ученому I в. до н. э., но впоследствии ученые в этом справедливо усомнились: вполне возможно, этот текст появился намного позже, в III – V вв. н.э., т.е. уже в интересующий нас период.¹⁷ Но, когда бы ни было написано «Искусство грамматики», оно оставалось фундаментом грамматической теории на много столетий, на его основе писались новые учебники, составлялись многочисленные комментарии и т.д. Мы будем обращаться как к самому трактату «Искусство грамматики», так и к схолиям к нему. Эти схолии сохранились, в основном, в рукописях поздневизантийского времени, время их написания и имена авторов идентифицировать трудно, но – в силу консерватизма византийской системы образования – вполне вероятно, они восходят к позднеантичной традиции преподавания грамматики.¹⁸

Итак, в разделе «Об именах» «Искусства грамматики» мы находим определения трех интересующих нас понятий (D.T. 36. 1–6, 29. 1–2).

¹⁶ Напр., Олимпиодор и Иоанн Филопон зачастую слово в слово копируют текст Аммония, а Симпликий следует Порфирию, хотя, вместе с тем, привлекает и широкий круг античных источников, называя их по имени – поэтому комментарии Симпликия особенно ценны для реконструкции античных теорий.

¹⁷ О проблеме датировки «Искусства грамматики» Дионисия Фракийского см. Di Benedetto 1958, Pagani 2011.

¹⁸ О схолиях к «Искусству грамматики» см. GG III – XLIX.

Ὅμωνυμον δέ ἐστιν ὄνομα τὸ κατὰ πολλῶν ὁμωνύμως τιθέμενον, οἷον ἐπὶ μὲν κυρίῳ, ὡς Αἴας ὁ Τελαμώνιος καὶ Αἴας ὁ Ἰλέως, ἐπὶ δὲ προσηγορικῶν, ὡς μῦς θαλάσσιος καὶ μῦς γηγενής.

Συνώνυμον δέ ἐστι τὸ ἐν διαφόροις ὀνόμασι τὸ αὐτὸ δηλοῦν, οἷον ἄορ, ξίφος, μάχαιρα, σπάθη, φάσγανον.

Παρώνυμον δέ ἐστι τὸ παρ' ὄνομα ποιηθέν, οἷον Θέων, Τρύφων.

Омоним есть имя, которое омонимично полагается в отношении многих, как, например, собственных – «Аякс Теламонид» и «Аякс Оилид», и нарицательных – «мышь морская» и «мышь землеродная».

Синоним есть то, что разными именами обозначает одно и то же, напр., ἄορ, ξίφος, μάχαιρα, σπάθη, φάσγανον 'меч'.

Пароним есть то, что произведено от имени, напр. Θέων, Τρύφων.

При этом следует отметить, что паронимы упоминаются не вместе с омонимами и синонимами, а среди семи разновидностей производных слов (D.T. 25.6–29.4). Наряду с паронимами, т.е. «отыменными», выделяются «отглагольные» (ῥηματικόν), «сравнительные» (συγκριτικόν), «превосходные» (ὑπερθετικόν), «уменьшительные» (ὑποκοριστικόν), «патронимы» (πατρωνυμικόν) и «притяжательные» (κτητικόν).

Толкуя определения синонимов и омонимов, комментаторы приводят по несколько определений каждого из этих двух понятий – некоторые из них сохранились под именем грамматика Стефана¹⁹ – но в основном эти определения иными словами выражают то же, что сказано в тексте Дионисия. Напр., в *scholia Vaticana* помимо определения Дионисия Фракийского даются еще два: омоним трактуется как «слово, одним [сочетанием] звуков обозначающее две или более различных [вещей]» и как «то [имя], которое подобно, но подлежит различным сущностям» (GG 236. 5–6, 9–10). Лишь одно из определений омонима существенно расходится с комментируемым текстом, оно приводится в *scholia Marciana* (GG 389. 10–15):

«Омоним есть [имя] подобное, но подлежащее различным сущностям, как, например, «собака» сухопутная и остальные: [такое имя] есть нарицательное как единое имя, полагаемое в отношении всех собак и обозначающее их общую сущность, и [оно же] есть омоним, ибо, тогда как между ними есть различие по роду – одни из них морские, а другие сухопутные – оно есть единое имя в отношении обоих родов».

Первоначально определение относилось, очевидно, только к нарицательным омонимам, и потому в нем скомбинированы определения омонима и имени нарицательного. В результате оказывается, что нарицательный омо-

¹⁹ О грамматике Стефане см. RE II. 6. 2399–2401.

ним обозначает вещи, общие не только по имени, но и по сущности, но принадлежащие к разным родам. Такое понимание омонимов – сродни неким «надродовым понятиям» - не присуще ни грамматической, ни логической традиции. Однако, приходится признать, что в схолиях этот комментарий, видимо, изъят из изначального контекста, и поэтому его точное понимание затруднительно.

Схолиасты не только приводят различные определения омонимов и синонимов, но и сопоставляют эти два понятия. С их точки зрения «синонимы и омонимы противоположны»: «омоним имеет одно и то же имя, но разную вещь... а синоним, наоборот, обозначает одну и ту же вещь, но называет ее различными и многими именами» (GG 390. 8–12). Омоним и синоним соотносятся так же, как ὁμόδουλος «подобо-раб» и σύνδουλος «со-раб»: «[Омоним] отличается от синонима, как подобо-раб от со-раба: подобо-рабы – это причастные одного и того же рабского удела, а со-рабы – это рабствующие друг с другом» (GG 236. 10–12, 389. 15–17).

Комментарии к «Искусству грамматики» существенно уточняют и разрабатывают только одно из трех понятий – паронимы. Если для философии и логики наибольший интерес представляют омонимы, то для грамматической теории важнее паронимия, и это отражается на внимании анонимных комментаторов. Во-первых, они задаются вопросом, почему Дионисий выделяет как одну из разновидностей то, что могло бы послужить общим понятием для остальных разновидностей? В самом деле, деминутив «человек» – тоже пароним, и патроним «Атрид» – тоже пароним. Эта трудность разрешается тем допущением, что в группу паронимов включаются те из них, которые не могут быть отнесены к остальным, более конкретным разновидностям (GG 228. 14–24). Т.о., по мнению схолиастов, Дионисий имел в виду, что существуют деминутивы, суперлативы, патронимы и остальные паронимы, а также противоположные им отглагольные имена. Помимо этого уточнения, комментаторы разрабатывают два способа классификации паронимов – по значению и по способу образования.

Исходя из значения паронимов выделяются следующие разновидности (GG 228. 8–11 cf. 377. 33–36):

- 1) περιεχτικά 'собираательные': ἀμπελών 'виноградник' от ἄμπελος 'виноград'
- 2) ἔθνικὰ 'этнонимы': Ἀκραγαντίνος 'акрагантянин' от Ἀκράγας 'Акрагант'
- 3) μετουσιαστικά 'выражающие причастность': δερμάτινος 'кожанный' от δέρμα 'кожа'
- 4) κύρια 'собственные': Κρατίνος 'Кратин' от κράτος 'власть'

5) *κατὰ τοῦ αὐτοῦ* '[употребляемые] в отношении того же', т.е. обозначающие то же, что и то слово, от которого они образованы: *ἐργατίνης* от *ἐργάτης* 'работник'.

Следует отметить, что паронимы последней разновидности, вполне соответствующие определению паронимов Дионисия Фракийского, с точки зрения логики паронимами не являются, поскольку отсутствует *διαφορὰ περὶ τὸ πρᾶγμα* 'различие в вещах'. Комментаторы «Категорий» приводят подобный пример – *παρθένος* и *παρθενική* 'дева'²⁰ – и подчеркивают, что о паронимии в данном случае речи нет.

Исходя из способа образования паронимов схолиасты выделяют тридцать четыре разновидности. Приведем для примера лишь несколько из них:

С помощью *-εως*: *πολιεύς* 'защитник города' от *πόλις* 'город'.

С помощью *-ωδης*: *ὄνωδης* 'ослиный' от *ὄνος* 'осел'.

С помощью *-ηρης*: *ξίφηρης* 'вооруженный мечом' от *ξίφος* 'меч'.

С помощью *-αδιος*, *-ιδιος*: *λοιπάδιος* 'остальной' (?) от *λοιπός* 'остальной', *μοιχίδιος* 'прелюбодейский' от *μοιχός* 'прелюбодей'.

III

Итак, мы проанализировали, как понятия «омонимы», «синонимы» и «паронимы» трактовались в позднеантичной / ранневизантийской логике и грамматической теории. Нетрудно заметить, что в рамках двух дисциплин эти термины трактовались по-разному.

Основное различие состоит в том, что в определении омонимов, синонимов и паронимов логика исходила от вещей, а грамматика – от имен. Если в логике омонимы определяются как вещи, имеющие одно и то же имя, то в грамматике омоним понимается как имя, обозначающее разные вещи; если в логике паронимия предполагает общность и различие как в именах, так и в вещах, то для грамматики общность в вещах не представляет большого интереса: важно лишь, что пароним – это производное от имени. Как мы видели, с точки зрения грамматики имя и производный от него пароним вообще не обязательно должны различаться по значению.

Второе важное различие заключается в трактовке синонимии: если в логике синонимы – это вещи, воспринимающие одно и то же имя и одно и то же определение согласно этому имени, то в грамматике и риторике это разные имена, обозначающие одну и ту же вещь – в логике такая вещь называлась полионимом.

²⁰ CAG 13.1: 24. 31–33; 12.1: 39. 13–15; 18.1: 143. 5–7.

Эти и иные, не столь очевидные различия можно было бы анализировать подробно, но мы – в рамках данной небольшой статьи – рассмотрим эту проблему с другой стороны и постараемся выяснить, как эти разногласия осознавались и формулировались современниками – комментаторами Аристотеля и Дионисия Фракийского, учителями логики и грамматики.

С позиций логики особое внимание уделяется различиям в трактовке термина «синоним». Наиболее подробный анализ различий проводится Симпликием. Симпликий цитирует пространный пассаж из утраченного комментария Порфирия, который не только констатирует наличие иного понимания термина «синоним», но и рассказывает о его происхождении и сравнивает две трактовки. Предпочтение отдается той, которой Аристотель придерживается в «Категориях», но и второй дается право на существование (CAG 8: 36. 8–31):

«Аристотель правильнее назвал синонимами [вещи], имеющие вместе с именем одно и то же определение, чем стойки, [назвавшие синонимами вещи], имеющие вместе много имен, как, например, один и тот же – Парис и Александр, и вообще, те, которые называются полионимами. Ведь им не подходит приставка συν- 'с-', обозначающая приобщение, как, например, συμπεριπατεῖν 'вместе гулять' и συστρατεύεσθαι 'вместе сражаться'. Но, наверное, они смотрели на то, что [речь идет об] именах одного и того же. В самом деле, и Аристотель в «Поэтике» назвал синонимами то, у чего имен много, а определение одно, то есть полионимы, как, например, λώπιον, ἱμάτιον и φάρος 'платье'. "Но нет ничего нелепого в том, - говорит Порфирий, - что, если [этот термин] употребляется двояко, то Аристотель пользуется обоими [значениями], поскольку оба имеют основание. Ведь многие имена, относящиеся к одной [вещи], как, например, κίον 'колонна' и στῦλος 'столп', могут быть названы синонимами – но там, где определение одно и имя вместе [с ним] со-именуется, [термин] «синоним» говорится в более собственном смысле. Так что в одном случае говорится «синоним», поскольку многие имена со-именуют одну вещь, а в другом – поскольку [вместе с] одним определением со-именуется и имя. Поэтому, где забота о родах или об именах, обозначающих роды, необходимо второе значение, ибо согласно этому значению роды синонимично сказываются о видах; где же забота о множестве имен и о многообразном именовании каждой [вещи] – как в «Поэтике» и в третьей книге «Риторики» – мы нуждаемся в другом [т.е., первом значении] синонима, которое Спевсипп называл «полионимом». Боэт неверно утверждает, что то, что позднейшие называли синонимами, а Спевсипп – полионимами, у Аристотеля опущено, ибо [это понятие] не было опущено, но учтено в тех трактатах, где это было уместно»».

Итак, согласно Порфирию и Симпликию, альтернативное употребление термина «синоним» (= «полионим») восходит к стоикам и встречается в «Поэтике» и «Риторике» Аристотеля (Arist. Rh. 1404b.36–1405a.2). Олимпиодор, также упоминая об этой трактовке «синонима», первым из комментаторов «Категорий» соотносит ее с грамматикой (CAG 12.1: 38. 6–9). По его словам, Аристотель в «Риторике» тоже употребляет «синоним» в значении «полионим», а также этой трактовки придерживаются «стоики и грамматики, но здесь [т.е. в «Категориях» Аристотеля] говорит лучше. В самом деле, если те – это синонимы, то какое имя получит то, что здесь именуется синонимами? Ведь их было бы не назвать полионимами». Точку в дискуссии ставит Элий, категорично и кратко заявляющий, что «не следует соглашаться с теми, кто называет полионимы синонимами» (CAG 18.1: 143. 25–27). Впрочем, остается неясным: значит ли это, что Аристотелю не следует соглашаться с самим собой, или «Риторика» и «Поэтика» к тому времени уже вышли из поля зрения комментаторов и учителей?

Двойное понимание синонимии отмечается и в грамматических трактатах. Все комментаторы Дионисия Фракийского отмечают, что «философы», «диалектики» или «перипатетики» называют синонимы полионимами (GG 236. 20–22; 390. 12–15). В *scholia Londinensia* содержится наиболее подробный комментарий о соотношении грамматической и логической терминологии (GG 554. 27–36):

«Должно знать, что грамматики и диалектики не согласны между собой. Грамматики называют омонимами то, что полагается подобным образом, с помощью одного и того же имени, в отношении разных лиц, а философы называют омонимами имеющие один и тот же род и одну и ту же сущность, как, например, оленей и людей, ибо и те и другие суть живые существа, и потому что сущность у обоих одна и та же; философы соединяют их исходя из означаемого и называют омонимами, грамматики же исходят из слова и называют омонимами то, что говорится посредством одного имени в отношении разных лиц... синонимы же у диалектиков зовутся и полионимами».

Разумеется, то, что – по мнению схолиаста – «диалектики» называют «омонимами», в действительности называлось в логике «синонимами». Нам не известен ни один случай в греческой логике, когда бы синонимы – вещи, имеющие одно и то же имя и одно и то же определение по этому имени – назывались бы «омонимами». Вероятно, на некотором этапе эволюции текста комментариев произошла ошибка, которая и стала причиной неверной интерпретации логических терминов – так или иначе, схолиасты «Искусства грамматики» не демонстрируют глубокой осведомленности в диалектике.

Разногласия в понимании паронимии тоже фиксируются как в логической, так и в грамматической традиции. Сперва рассмотрим комментарии к «Категориям». В отрывке утраченного комментария Порфирия, который цитирует Симпликий, содержится следующее замечание: «К паронимам следовало бы отнести и патронимы, и сравнительные, и превосходные, и уменьшительные» (CAG 8: 38. 1–2). Так, Порфирий оспаривает позицию Дионисия Фракийского, упоминавшего паронимы наряду с перечисленными разновидностями производных имен, и проявляет солидарность с комментаторами, которые включают эти разновидности в категорию паронимов. Вполне вероятно, впрочем, что именно слова Порфирия повлияли на грамматическую мысль, а не наоборот. Далее, Элий в свойственной ему категоричной манере заявляет: «не следует соглашаться и с грамматиками, противопоставляющими паронимы именным (ὀνομαστικοῖς) и глагольным [производным] (ῥημαστικοῖς). Именные – это Τρύφων ‘Трифон’ от τρυφή ‘наслаждение’ и Θεών ‘Теон’ от θεός ‘бог’, а глагольные – Φιλῆμων ‘Филимон’ и νοῦμων ‘разумный’ от φιλῶ ‘люблю’ и νοῶ ‘разумею’, и все их должно называть паронимами, одни из которых зовутся именными, а другие – глагольными» (CAG 18.1: 143. 27–31). Элий не вполне точно передает позицию грамматиков – насколько нам известно, они не противопоставляли паронимы производным от имен – но, очевидно, настаивает на предельно широкой трактовке паронимии, чуждой как Дионисию Фракийскому, так и его толкователям. Расхождение в трактовке паронимии отмечают и грамматика. В *scholia Marciana* указывается, что «философы» называют паронимами [вещи, пребывающие] «посредине между омонимами и синонимами, имеющие общность и различие в имени и определении, как, например, “грамматик” от “грамматики”, ибо, имея общность в имени, они различаются по окончанию имен, а также, имея общность в имени, различаются определением, ибо грамматика – это знание, а грамматик – сущность, в которой знание. Паронимами же называют те [вещи], которые, отличаясь от чего-либо по падежу или же по склонению имен, получают [от него] и прозвание» (GG 377. 16–22).

Подведем итог нашего краткого исследования. Анализ позднеантичных комментариев к «Категориям» Аристотеля и византийских схолий к «Искусству грамматики» Дионисия Фракийского привел нас к следующим выводам.

И в грамматике, и в логике позднеантичной / ранневизантийской эпохи понятиям омонимии, синонимии и паронимии уделялось большое внимание. По сравнению с предельно краткими определениями, содержащимися в «Категориях» Аристотеля и в «Искусстве грамматики» Дионисия Фракийского,

три понятия существенно разрабатываются и уточняются. Формируются дополнительные критерии для выявления омонимии и паронимии, выстраивается их детальная классификация. При этом, что вполне закономерно, грамматике наиболее интересны паронимы, а логике – омонимы и синонимы. Логическая теория омонимии основывалась на «Категориях» Аристотеля, но обогащалась и из других источников, среди которых были как другие сочинения Стагирита, так и учения платоников, напр., Спевсиппа.

В обеих дисциплинах учение об омонимах и смежных им понятиях не было устоявшимся и единообразным – многие темы оставались предметом дискуссий и разногласий. Эти разногласия особенно заметны в логической традиции: комментаторы «Категорий» на протяжении столетий спорили по таким вопросам как методы классификации омонимов, соотношение омонимии, аналогии и метафоры, критерии выявления омонимии и паронимии и др. Однако, наиболее явные противоречия обнаруживаются между двумя дисциплинами – грамматика и логика определяют все три термина по-разному: если грамматика исходит от имен, то логика – от вещей; если для грамматики синонимы – это имена, обозначающие одну и ту же вещь, то для логики это вещи, имеющие одно и то же имя и определение согласно этому имени. Разногласия между грамматикой и логикой, касавшиеся омонимов и смежных терминов, осознавались и современниками, которые их отмечали, сопоставляли и анализировали.

Понятия омонимии, синонимии и паронимии на рубеже античности и средневековья – как и сегодня – усваивались на школьной скамье, в рамках так называемой *ἐγκύκλιος παιδεία* – византийской средней школы. Как эта школьная традиция повлияла на использование этих же терминов в философии и богословской полемике – предмет отдельного обширного исследования.

СОКРАЩЕНИЯ

- CAG: Commentaria in Aristotelem Graeca / edd. M. Hayduck, M. Wallies, A. Busse et al. Bd. 1 – 23. Berlin: Reimer, 1882 – 1909.
 GG: Scholia in Dionysii Thracis Artem grammaticam / ed. A. Hilgard. / Grammatici Graeci, vol. 1.3, Leipzig: Teubner, 1901.
 RE: Pauly A. F., Wissowa G. Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: Metzler, 1893–1980.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Anton, J. P. (1968) “The Aristotelian Doctrine of Homonyma in the Categories and its Platonic Antecedents,” *Journal of the History of Philosophy* 6, 315–326.
 Anton, J. P. (1969) “Ancient Interpretations of Aristotle’s Doctrine of Homonyma,” *Journal of the History of Philosophy* 7, 1–18.
 Barnes, J. (1971) “Homonymy in Aristotle and Speusippus,” *The Classical Quarterly* 21.1, 65–80.
 D’Ancona, C. (2001) “Commenting on Aristotle. From Late Antiquity to the Arab Aristotelianism”, Geerlings W., Schulze C. (ed.). *Der Kommentar in Antike und Mittelalter. Beiträge zu seiner Erforschung*. Boston / Leiden / Köln, 200–251.
 Di Benedetto, V. (1958) “Dionisio Trace e la Techne a lui attribuita,” *Annali della Scuola Normale Superiore di Pisa. Serie II*, 27, 169–210.
 Erismann, Ch. (2019) “The Depicted Man: The Byzantine Afterlife of Aristotle’s Logical Doctrine of Homonyms,” *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 59, 311–339.
 Garin, S. V. (2016) “Homonymy in Porphyry’s Logic,” *Логико-Философские Штудии* 14/1, 91–97.
 Havrda, M. (2011) “Galenus Christianus? The Doctrine of Demonstration in Stromata VIII and the Question of Its Source,” *Vigiliae Christianae* 65, 343–375.
 Havrda, M. (2012) “Categories in Stromata VIII,” *Elenchos* 33.2, 197–225.
 Jürgensen, H. (1968) *Der antike Metaphernbegriff*. Diss. Kiel.
 Lau, D. (2006) *Metaphertheorien der Antike und ihre philosophischen Prinzipien: Ein Beitrag zur Grundlagenforschung in der Literaturwissenschaft*. Frankfurt am Main.
 Mombello, E. H. (2011) “Amonio: Comentario a la doctrina de los “-ónimos” en las Categorías de Aristóteles (Introducción, texto griego, traducción y notas),” *Nova Tellus* 29.1, 287–334
 Novokhatko, A. (2014) “Metaphor (*metaphora*), ancient theories of”, Giannakis, G. K. (ed.) *Encyclopedia of Ancient Greek Language and Linguistics*. Vol. 2. Boston.
 Pagani, L. (2011) “Pioneers of grammar: Hellenistic scholarship and the study of language,” Montanari F., Pagani, L. (ed.) *From scholars to scholia: chapters in the history of ancient Greek scholarship*. Berlin, 17–64.

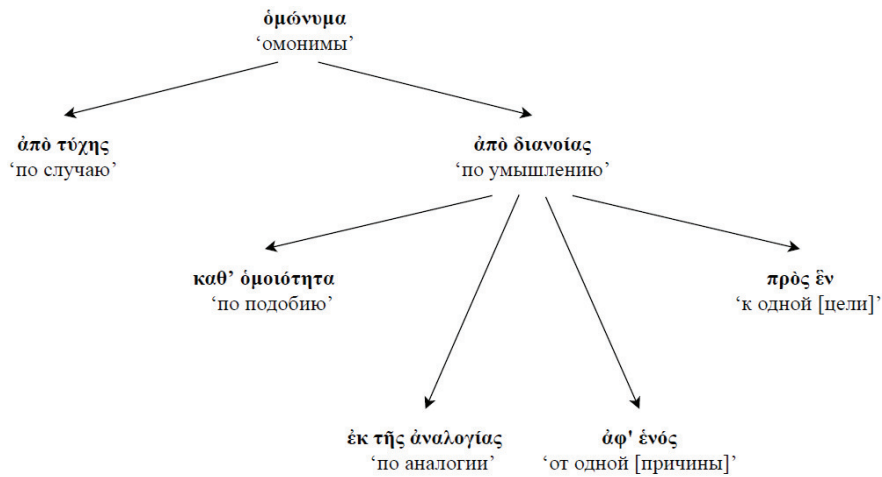
Sellars, J. (2004) "The Aristotelian Commentators: a Bibliographical Guide," *Philosophy, Science and Exegesis in Greek, Arabic and Latin Commentaries* [Bulletin of the Institute of Classical Studies, Supplementary volume 83. 2], 239–268.

Shields, C. (1999) *Order in Multiplicity: Homonymy in the Philosophy of Aristotle*. Oxford.

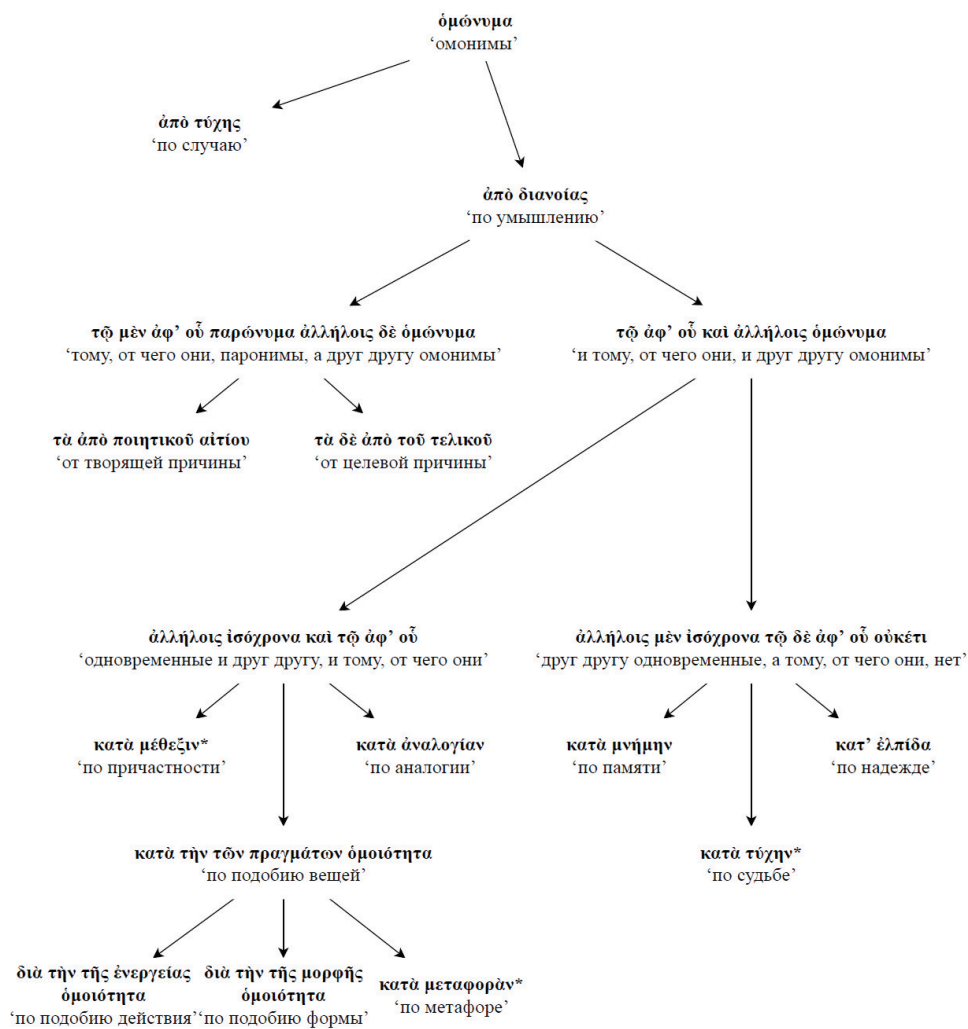
Tolkiehn, N. (2019) *The Notions of Homonymy, Synonymy, Multivocity, and Pros Hen in Aristotle*. Dissertation der LMU München.

Westerink, L. G. (1990) "The Alexandrian commentators and the introductions to their commentaries", Sorabji R. (ed.) *Aristotle transformed: the ancient commentators and their influence*. Ithaca, N.Y., 349–376.

Схема 1

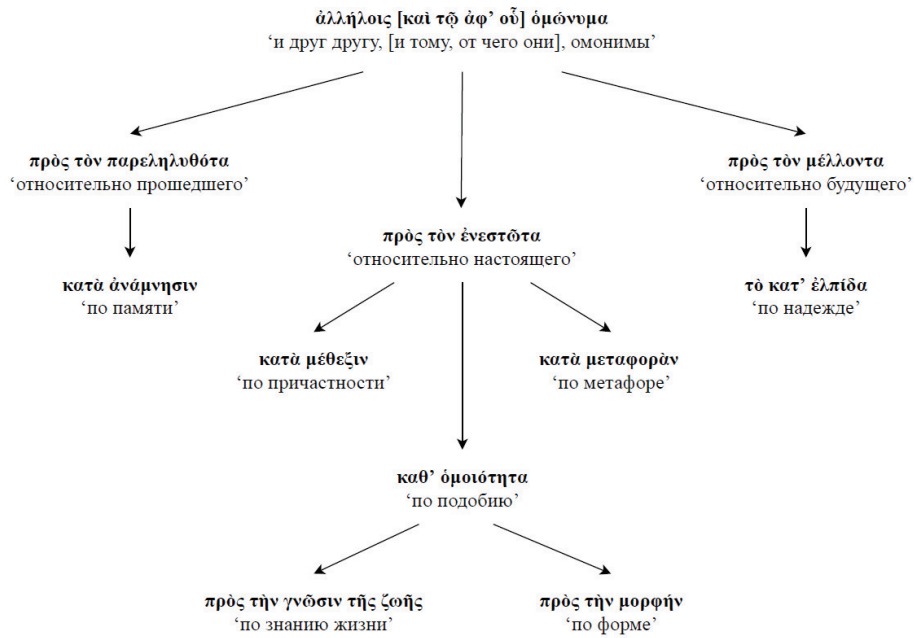

Σхема 2²¹

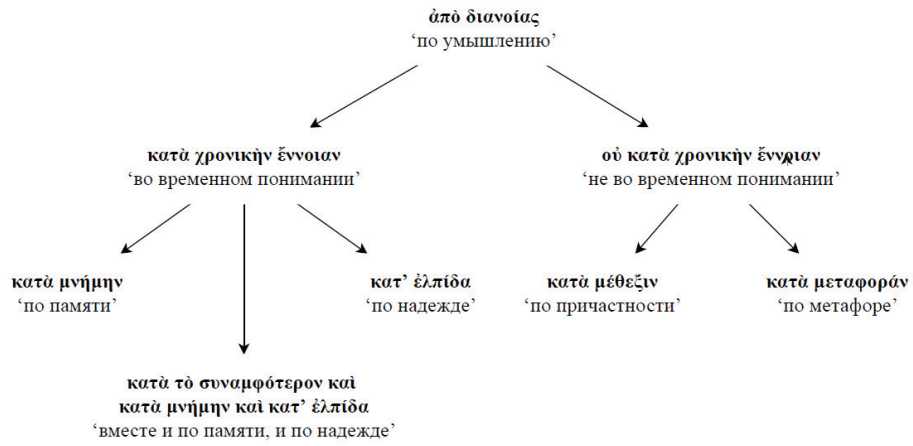

²¹ Звездочкой отмечены разновидности омонимии, отсутствующие в классификации Иоанна Филопона

Схема 3

Σхема 4

Σхема 5

